

² В салон Эммы и Г. Гервегов Норвида ввел приятель Герцена К.-Э. Хоецкий. Здесь Норвид и познакомился с завсегдатаями этого салона – Герценом и И.С. Тургеневым, а также с многочисленными представителями немецкой и французской революционной демократии.

³ Всемирная выставка 1853 г. в Нью-Йорке. Норвид работал на этой выставке в качестве художника-оформителя.

⁴ Л. Кошут в 1848 г. стоял во главе Венгерской революции; в 1849 г. руководил борьбой Венгерской республики против австрийских и царских войск.

⁵ Местом пребывания Центриализации (Главного управления Польского демократического общества) с 1849 г. был Лондон, куда после поражения революции 1848 г. переехала из Парижа большая часть этой организации. Членами Центриализации в это время были С.-Г. Ворцель, А. Жабицкий и Л. Зенкович.

С.-Г. ВОРЦЕЛЬ

Станислав-Габриель *Ворцель* (1799–1857) – выдающийся деятель левого крыла польского национально-освободительного движения, социалист-утопист, политический эмигрант, главный редактор газеты “*Demokrata Polski*” – органа Польского демократического общества. Герцен познакомился с ним в 1847 г. в Париже и тесно сблизился после переезда в Лондон. Он высоко ценил Ворцеля и как человека, и как страстного пропагандиста польско-русского революционного союза. Перу Ворцеля принадлежит восторженная статья о Герцене “Революционные идеи в России”, появившаяся в брюссельской газете “*Nation*” (1853, № 319 и 320, 13 и 14 XI). Проникновенный некролог “Смерть Станислава Ворцеля” был напечатан Герценом в “Полярной звезде на 1857 год” и затем выпущен отдельной брошюрой на французском языке (XII, 437–443). О трагической судьбе Ворцеля подробно рассказывается в “Былом и думах” (XI, 131–149; ср. XX, 293–294); см. также книгу: B. L i m a n o w s k i. Stanisław Worcell. W., 1947.

По словам Герцена, Ворцель помогал ему самым деятельным образом в создании Вольной русской типографии. Типография эта вначале была объединена под одной кровлей с типографией Центриализации. Печальные подробности о расприх и противоречиях между окружением Ворцеля и Герценом, вызвавших необходимость разделить обе типографии, изложены в “Былом и думах” (XI, 142–143).

Письма печатаются по фотокопиям с автографов *BPUG*. Впервые опубликованы М. О к у т ю р ь е на языке оригинала в ААН, 259–269.

Перевод с французского:

1

Суббота, утро, 16 декабря 1854 г.
35, Hunter Street, Brunswick Square

Любезный друг,

Мы не сразу ответили на ваше письмо к Жабицкому¹, так как нам надобно было сначала посоветоваться по этому вопросу, гораздо более важному на деле, чем кажется. Если бы речь шла лишь о расчленении и разделе обеих типографий, а также о переводе вашей в другое помещение, то все это не имело бы особого значения, не вызвало бы затруднения и отнюдь не повлекло бы за собой отсрочки, ибо что касается помещения, то пять шиллингов квартирной платы в неделю не могли бы стать поводом для сколько-нибудь серьезных возражений; хранение же под рукой шрифтов вашей типографии для нас несущественно – и потому, что мы ими не пользуемся, и потому, что не извлекаем из них материальной выгоды. Есть, однако, другое соображение – нравственной, общественной значимости; соображение, в одинаковой степени охватывающее наше польское дело, так же как ваше русское дело, или, верней, наше общее польско-русское дело; соображение, которое берет верх над всеми другими соображениями вследствие нынешних событий² и того громкого отзвука, который мы вместе придали нашим взаимоотношениям. То, что было единожды так решено и провозглашено³, не должно было и не могло быть когда-либо расторгнуто без важных и весьма важных побуждений общественного характера. Скажем вам искренне, ибо искренность – это долг, особенно между друзьями, поскольку это долг

даже по отношению к противникам, что если бы не эти соображения, то поведение вашего печатника⁴, человека, к которому вы привыкли и который, действительно, может быть вам чрезвычайно полезен, но в нашем доме чрезвычайно неудобен, — заставило бы нас давно уже обратиться к вам с тем предложением, которое вы нам делаете сегодня. И если мы его все же не сделали, то, как мы думаем, лишь потому, что руководствовались все теми же соображениями общественного характера, и мы стараемся доказать вам это при первой же нашей встрече, которая, несмотря на затруднения, связанные с нашими делами и отсутствием денежных средств, необходима и не может не состояться вскоре же; вы откажетесь от своего проекта тем более охотно, что, по нашему убеждению, трудность мало-помалу сама собой разрешится, и не в ущерб делу, как это получилось бы теперь, а в пользу того дела, коему мы служим сообща.

Благоволите ответить нам возможно скорее.

С разрешения Централизации

С. Ворцель

¹ А. Жабицкий — польский революционный эмигрант, член Централизации, соредактор Ворцеля в газете "Demokrata Polski", наборщик. Упоминаемое письмо к нему Герцена о намерении переместить Вольную русскую типографию остается неизвестным.

² Речь идет о Крымской войне.

³ Подразумевается открытое письмо Герцена «В редакцию "Польского демократа"», написанное в связи с основанием Вольной русской типографии в Лондоне. Герцен сообщал в этом документе, что Централизация Польского демократического общества в целях облегчения дела пропаганды братски протянула ему руку (XII, 72–79).

⁴ "Печатником" Вольной русской типографии был поляк Л. Чернецкий. См. о нем подробно в "Лит. наследстве", т. 63, с. 250–268.

2

(Лондон. 16 декабря 1854 г.)¹
Суббота, вечер

Любезный Герцен!

Леон Зенкович² только что сказал мне, после того как я отправил вам свое письмо, что в отсутствие Жабицкого Чернецкий привел двух мужчин, дабы унести типографию; он уже часть ее упаковал и собирался унести, когда Зенкович, возвратившись, помешал ему сделать это до получения от вас ответа. Я хотел сразу же отправиться в Ричмонд, но не смог сделать этого вследствие одышки и нехватки времени. Так вот, завтра поутру я приду к вам обедать, пока же настоятельно прошу вас дожидаться этой встречи.

Итак, до свидания.

Всецело преданный вам — и с крайней поспешностью —

С т а н и с л а в

¹ Дата устанавливается по связи с предыдущим письмом.

² Л. Зенкович — польский революционный эмигрант, участник восстания 1830–1831 гг., публицист, член Централизации. Зенкович был убежденным противником польско-русского революционного союза и враждебно относился к Герцену. В свою очередь, Герцен не любил Зенковича и считал его влияние на Ворцеля крайне вредным.

3

Лондон, 18 декабря 1854 г.
35, Hunter Street, Brunswick Square

Любезный мой друг,

Сегодня должны вы получить два наших субботних письма¹. Поразмыслите над актом возобновленного братания, который сегодня должен быть провозглашен нами, в форме ли ответа или как-нибудь иначе, — но так, чтоб его можно было опубликовать без заметных признаков огорчения².

Но я еще должен был написать вам о Линтоне³. Он просит меня предоставить ему на время фотографию Маццини, снятую Делла Рокка. Отправьте ему ее возможно скорее по почте, Brantwood, near Coniston, Windermere. Он срочно в ней нуждается и возвратит вам ее в целости, как только снимет копию. Усердие и преданность этого друга заслуживают того, чтобы для него было сделано всё, ибо нет ничего такого, что он отказался бы сделать для нас (в том числе и для вас).

Он спрашивает меня еще о значении слова “Бюзансе” – в следующем выражении из речи Виктора Гюго, которую он переводит. Говоря о Франции, В. Г(юго) говорит:

“Хлеба не хватает. Нечто вроде Бюзансе тлеет под народным пеплом и разбрасывает то там, то сям искры”⁴.

Я прочел ответ Зенона⁵ в “Leader”⁶. Вы совершенно правы: ответ этот восхитителен – и я совсем помирился бы с ним, если б он захотел воспользоваться разрешением, которого просит:

“Let us refrain from sowing division among our democratic ranks by unfair insinuation towards our fellows democrats”^{94*}

Искренно преданный вам С. Ворцель

¹ См. предыдущие письма.

² На эту просьбу Герцен ответил через четыре дня, 22 декабря. Его письмо сохранилось только в черновике и, возможно, не было отправлено. Герцен писал в нем “дорогому гражданину Ворцелю”, имея в виду, что письмо его будет предано гласности: “Вы уже знаете от гражд(анина) Жабицкого, что перемещение Русской типографии было вызвано чисто экономическими соображениями. Позвольте же мне еще раз повторить вам это. Ничто не изменилось в наших отношениях – только у нас теперь две типографии вместо одной”. Далее Герцен заверял своего корреспондента, что русским революционерам необходимо теснее сплотиться с представителями “республиканской и социальной Польши” (XXV, 220–221; см. также: “Лит. наследство”, т. 61, с. 226).

³ Переписка В.-Дж. Линтона с Ворцелем опубликована в ст.: S. K i e n i e w i c z. From the polish correspondence of William J. Linton – “Annali” (Milano), 1960, p. 172–225.

⁴ Из речи В. Гюго на о. Джерси 29 ноября 1854 г. по поводу 24-й годовщины польского восстания. Бюзансе – французский промышленный городок в департаменте Эндр; в январе 1847 г. там была произведена кровавая расправа над восставшими рабочими.

⁵ З. Свентославский – политический эмигрант, член Польского демократического общества, один из создателей “Lud Polski”. Жил на о. Джерси, где владел типографией (в ней, между прочим, печаталась газета “Нотте” Ш. Рибейроля, в которой публиковались статьи Герцена).

⁶ В газетах “Leader” от 22 апреля и “Morning Advertiser” от 24 апреля появились статьи, в которых Герцен обвинялся в панславизме и связях с русской полицией. О прочитанном им в рукописи “горячем отпоре” – “превосходной статье” З. Свентославского, написанной в его защиту, – Герцен упоминает в письме к Л. Пьянчани от 4 мая (“Читая ее, мы хохотали, как сумасшедшие (...) В ней такая глубина и такой священный гнев, которых ему не простят” – XXV, 177). Эта статья Свентославского до сих пор не найдена. Несколько позже Свентославский издал брошюру “The Cause of the Slavians” (см. XXV, 425; XXX, 507–509, 652; ААН, 265). Герцен писал о ней: “Один голос раздался, энергично протестуя против этой несправедливости – то был голос одного из тех, кто имеет право ненавидеть нас, – голос поляка (...) На глазах моих были слезы, когда я читал брошюру Свентославского...” (XXX, 508). Судя по тому, что статья вызвала у Герцена совершенно иную реакцию, чем брошюра, вряд ли можно думать, что брошюра представляла собой перепечатку статьи из “Leader”. С обоими печатными выступлениями Свентославского до сих пор нам ознакомиться не удалось.

Любезный Александр,

Спасибо за ваши упреки, как мало они ни были заслужены¹, – спасибо, потому что свидетельство любви, в какой бы форме оно ни проявлялось, – это истинный подарок для старца, от коего род людской, хотя старец этот по мере остающихся сил старается быть ему полезным, день ото дня все более и более отстраняется. Итак, я

^{94*} “Позвольте нам воздержаться от сеяния раздора в наших демократических рядах посредством безобразной инсинуации по адресу наших товарищей-демократов” (англ.).

на вас ничуть не сержусь за то, что вы несправедливо отнеслись к моей дружбе: совсем наоборот; и все же мне необходимо объяснить вам, как это у вас получилось. Я поступил не как друг, говорите вы. Но, боже мой, если б я не считал вас своим другом, то разве мог бы я к вам прошлый раз обратиться? И мог ли б я в этом сомневаться, после того, как вы представили мне новое доказательство? Всему, однако, есть границы, за пределами которых личные отношения меняют свою природу, и никто, пожалуй, не мог бы постигнуть верней, чем вы, во что превращается дружба, когда она становится бременем. Таким бременем для вас бывал я слишком часто, чтобы подвергать нашу дружбу этому риску. Так поговорим же откровенно. Я еще не расквитался за полученные от вас материальные одолжения. Быть может, вы о них позабыли или считаете незначительными. Это очень мило с вашей стороны, и я благодарю вас за это; но я-то их не позабыл, и, утратив надежду, которую основывал на обещаниях улегучившегося Любомирского², я предпочел бы делить лишения своих сотоварищей риску чрезмерно отяжелять весы наших личных отношений, перевешивая одну чашу оказанными мне одолжениями. Вы полагаете, что два фунта стерлингов, предложенных мне вами (и полученных мною), не перегрузят этих весов. И вот я без колебаний принимаю их, зная, насколько вы всегда готовы были услужить тем, кого любите и уважаете, и, зная также, что я из их числа, потому что вы говорите мне это и потому, что я сознаю, что это мною заслужено. Однако я не мог быть компетентным судьей в отношении границ, диктовавшихся вашими собственными денежными средствами, и вот почему я не взял на себя инициативы.

Впрочем, разве есть у меня чисто личные потребности? – Вот трудность, упущенная вами из виду. Солидарность моих политических связей при том положении, в котором находится Централизация, превращает нас в Общину; в этом, скажем на прямой, есть нечто от коммунизма. Личности наши настолько отождествляются с машиной, приводимой нами в движение, что от нее зависим мы, а она – от нас и от наших возможностей упорствовать до конца на посту, где мы поставлены. То, что получает один из нас, дает возможность другим продолжать дело, и если пять фунтов стерлингов, которые вы ссудили мне прошлый раз в Ричмонде, послужили непосредственно для внесения квартирной платы моей хозяйке, то только потому, что Централизации необходимо было, чтоб она получила эту частичную плату. К счастью, два последних фунта стерлингов, явившихся так кстати в минуту нужды, были предложены мне простосердечно, откровенно, без всяких условий. И потому я смог употребить их на удовлетворение своей наиболее неотложной нужды – сыграть на аграрном законе и стать *раздавателем благ*, и вот мы уже все на несколько дней сняты с мели.

Я хотел бы прийти повидаться с вами, но не знаю, найдется ли у меня для этого свободное время. Ни одного дня не проходит без того, чтобы что-нибудь не помешало^{95*}.

Я не прочел статьи в "Atheneum" от 6 января³. Постараюсь достать ее.

Вот мы уже обвинены нашими друзьями из^{96*} Бредфорда в том, что являемся виновниками раздела обеих типографий; вам, как и Ледрю-Роллену, отказывают в деятельном участии на митинге 29 ноября⁴. В нашем распоряжении есть ваше письмо для ответа им⁵, и если я говорю вам об этом, то только из-за причудливого характера обвинения и потому, что я предвидел комментарии, которые будут сделаны.

Примите же мой искренний, братский и дружеский привет.

Всем сердцем преданный вам
С. Ворцель

¹ Отклик на неизвестное письмо Герцена.

² Князь М. Любомирский – польский магнат, живший в Лондоне, Брюсселе и затем в США. После возвращения в Европу он поселился в Турине. Благодаря своим обширным связям и финансовым возмож-

^{95*} Далее зачеркнуто: Сегодня я даже не имею достаточно времени, чтобы продолжать (чтение?) статьи.

^{96*} Далее зачеркнуто: Галифакса

ностям он оказывал помощь польским эмигрантам и "польскому делу", но сам нередко бывал вынужден "улетучиваться" от кредиторов.

³ В лондонском критико-библиографическом журнале "Athenaeum" (№ 1419, от 6 января 1855 г.) была напечатана анонимная рецензия на "Тюрьму и ссылку" Герцена (английский перевод "Былого и дум" назывался "My Exile in Siberia"). В рецензии содержалась сочувственная оценка деятельности Вольной русской типографии ("см.: Л. Л а н с к и й. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена. — "Лит. наследство", т. 63, с. 805).

⁴ Польская эмиграция ежегодно отмечала торжественными митингами годовщину польского восстания 29 ноября 1830 г. На митинге 1853 г. Герцен произнес блестящую речь, в которой провозглашал необходимость сближения русских и польских революционеров (XII, 126–132). В 1854 г., незадолго до очередного митинга, он получил от Ворцеля записку, в которой тот извещал его, что, в связи с начавшейся Крымской войной, Централизация намерена придать очередному митингу "иной цвет, т.е. более патриотический и менее революционный, чтобы привлечь к себе симпатии англичан". "Не Герцен, не Ледрю-Роллен и Пьянчани будут говорить, а большей частью англичане", — писал Ворцель. На это Герцен ответил, что "приглашение *не говорить* на митинге" он получил и с тем большей охотой его принял, что "оно очень легко" (XI, 141–142). Тот факт, что Герцен не выступил на митинге, вызвал раздражение среди молодых радикальных поляков (вероятно, их-то Ворцель и называет "нашими друзьями из Бредфорда").

⁵ Уже упоминавшееся письмо Герцена к Ворцелю от 22 декабря 1854 г. (черновик), в котором он заверял поляков, что раздел типографии вызван чисто экономическими причинами.

5

(Лондон.) Четверг, 11 декабря 1856 г.
35, Hunter Str(eet), Brunswick Sq(ware)

Любезный Александр,

Прежде чем поблагодарить вас за предложение, содержащееся в вашей записке, предложение, которое для меня является драгоценнейшим свидетельством вашей дружбы¹, я дал себе 24 часа на размышления о допустимости и последствиях принятого решения и, несмотря на это, не мог прийти ни к какому другому заключению, кроме того, к которому мы пришли во время нашей устной беседы². Видите ли, чтобы постичь смысл ваших дружеских намерений, мне вовсе не требовалось, чтоб они были яснее выраженными. Звучание вашего голоса, бросаемые вами взгляды, ваше лицо сказали мне об этом достаточно много, не оставили неосвещенным для меня ни одного уголка вашего прекрасного сердца, и полученное от вас письмо лишь подтвердило то, что было мне знакомо ранее. С моей стороны, возможно, была известная недоговоренность, требовавшая дополнений, которые не могли быть сделаны письменно³. Быть может, при свидании строго с глазу на глаз мы и сумели бы разрешить в дружеской беседе чрезвычайно сложную задачу, но только вдумчиво рассмотрев все данные. Вам пришлось бы для этого узнать кое-какие обстоятельства, вам неизвестные, о которых хочу вам поведать. Придите же ко мне на днях утром, если сможете, чтобы свидеться наедине; мы разопьем тогда вместе стаканчик вашего кларета⁴ и набросаем основу плана, который, вырвав меня из положения, ставшего невыносимым, быть может, даст мне возможность еще на несколько лет вернуться к жизни.

Со вчерашнего дня я чувствую себя лучше, и, если это улучшение продлится еще несколько дней, встреча наша обретет все условия, необходимые для успешного ее завершения. Приходите же, оставайтесь часок-другой, не в субботу (день урока⁵), а завтра, или в воскресенье, или в понедельник, или когда сможете; всегда между 11-ю и 2-мя. Но мне следует все же признаться: я мало надеюсь на вполне удовлетворительный результат. Сегодня утром я бросил взгляд в зеркало и смог лишь улыбнуться, увидев там почти незнакомый мне печальный образ. Даже вопросы, которые позавчера, несмотря на видимое улучшение, задал мне мой врач, ободряющими мне не показались. Если предчувствия эти осуществляются, большая часть трудностей, связанных с моим положением, исчезнет. Сиделка здесь или бромптонская больница меня в таком случае полностью устроят.

Большое спасибо за кларет. Я его отведаю во время обеда.

Вот что я нашел в "Atlas"⁶ по поводу Блеквуда⁷: «The recent *Confession of an*

Opium Eater hardly comes up to what the title leads us to expect, although it is a tale of “burking”. The conclusion is most important»^{97*}.

Об этом ли сочинении говорит ваш корреспондент⁸? Сочинение *де Куинси*, о котором я говорил, пользуется сложившейся много лет назад репутацией, поставившей его в уровень с лучшими писателями того времени – *Вильсонами, Мурами, Брумами, Вальтерами Скоттами, Колриджами* и пр.

Искренне обнимаю вас.

Всецело преданный вам Ст. Ворцель

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, предложившего тяжело больному Ворцелю переехать к нему.

² Герцен навестил Ворцеля в первых числах декабря (XI, 144–145).

³ Ворцель непродолжительное время гостил у Герцена, однако прожить у него в доме несколько месяцев, как предложил ему Герцен, он наотрез отказался (см. XI, 144–145).

⁴ *Кларет* – французское вино.

⁵ Ворцель давал частные уроки математики и физики, в том числе и сыну Герцена.

⁶ “Atlas” – политическая и литературная газета, издававшаяся в Лондоне Л. Кошутом.

⁷ *Дж. Блеквуд* – английский издатель. Вероятно, имеется в виду объявление о предстоящем выходе в свет второго издания книги “Confession of an English Opium-Eater”, автором которой был Т. де Квинси.

⁸ И. С. Тургенев, который в письме от 6 декабря горячо рекомендовал Герцену эту книгу, не назвав, однако, ее автора (см.: И. С. Т у р г е н е в . Письма III, с. 45). 25 декабря Герцен ответил, что после получения письма Тургенева он тотчас же приобрел “Opium-Eater’a” и что это, действительно, “превосходная книга” (XXVI, 60).

И. ЛЕЛЕВЕЛЬ

Иоахим Лелевель (1786–1861) – известный польский историк, участник восстания 1830 г., живший затем в Брюсселе на положении эмигранта. В “Былом и думах” Герцен охарактеризовал Лелевеля как “лучшего из лучших, сохранившего в дряхлом теле молодое сердце и юный, кроткий, детски чистый, голубой взгляд” (XI, 147; ср. XV, 111; XXVI, 303).

Приступив в 1855 г. к изданию альманаха “Полярная звезда”, Герцен обратился к ряду выдающихся западноевропейских деятелей – Гюго, Мишле, Блану, Прудону, Мацини и Лелевелю – с просьбой поддержать его инициативу и принять участие в новом органе. Это письмо Герцена к Лелевелю от конца июля 1855 г. не сохранилось. Ответ Лелевеля, публикуемый ниже, пришел слишком поздно и не попал на страницы “Полярной звезды”, о чем Герцен информировал читателей в редакционной заметке, помещенной на последней странице альманаха, и обещал опубликовать его в следующей книжке (XII, 570). Обещание, однако, выполнено не было.

В 1859 г. Герцен навестил Лелевеля в Брюсселе.

Письмо печатается по фотокопии с автографа *BPUG*. Впервые опубликовано в неточном польском переводе самого автора: *L e l e w e l . Polska dzieje i rzeczy jej*, t. XX. Poznań, 1855, s. 625–627; ср.: *L e l e w e l . Listy emigracyjne*, t. V. Kr., 1956, s. 228. С этого издания был сделан также неточный русский перевод в кн.: “Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей”, т. II. М., 1958, с. 606–607. На языке оригинала опубликовано М. О к у т ю р ь е в *ААН*, 257–259.

Перевод с французского:

(Брюссель, 6 августа 1855 г.)

Милостивый государь и дорогой наш собрат,

Вы напоминаете мне о незабвенном дне 6 августа, годовщину которого вы вскоре отметите, воскресив “Полярную звезду”¹, и выражаете уверенность в нашем непрерывном участии.

Решив развернуть знамя борьбы за нашу и вашу вольность² во времена нашей независимости в Варшаве, мы принесли дань уважения вашим жертвам³. Павшая под вашим братоубийственным мечом (простите сие роковое выражение!), наша

^{97*} «Недавно вышедшая “Исповедь потребителя опиума” вряд ли соответствует тому, что заглавие дает нам право ожидать, хотя это и рассказ о “душегубстве”. Вывод же в высшей степени важен» (англ.).